

каго фарисейства, съ какимъ защищаетъ себя графъ въ томъ, что будто бы онъ никогда не заботился о распространеніи своего ученія, что писаль онъ свои богохульныя произведенія будто бы для себя только и никогда ихъ самъ не печаталъ (графиня печатала?), но лишь не скрывалъ своихъ сочиненій отъ желавшихъ познакомиться съ ними. Намъ софизмъ этотъ сейчасъ напомнилъ печальную исторію съ изданіемъ сквернаго политическаго памфлета Толстого („Николай Палкинъ“) однимъ пламеннымъ его послѣдователемъ. Допрошенной властью по поводу происхожденія этого разсказа, Левъ Николаевичъ точь-въ-точь далъ вотъ такое же софистическое показаніе, говоря, что-де онъ написалъ этотъ памфлетъ для себя, ради шутки, послѣ обѣда, и оставилъ на столѣ, а молодому человѣку разсказъ понравился и тотъ его издалъ. Скрывать-де не въ его, графа, принципахъ, противиться изданію — тоже противъ его правилъ. Такъ появился „Николай Палкинъ“. Дѣло кончилось для графа-то благополучно, — онъ остался спокойнымъ въ Ясной Полянѣ, а молодой человѣкъ попалъ подъ